

ЕПИСКОПА ЕПАРХИАЛЬНАЯ ВЪДОМОСТИ.

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ.

Подписка принимается
въ Редакци.

№ 19.

Цѣна годовому изданію
съ доставкою и пересылкою
пять руб. 50 коп.

1902 года. (19-й годъ) 1-го Октября.

О Т Д Ъ Л Ъ О Ф Ф И Ц И А Л Ъ Н Ы Й.

1.

Распоряженія Епархіального Начальства.

Священникъ Спасской церкви села Есаульского, Красноярскаго уѣзда, Матвѣй Тыжновъ, по прошенію, 12 сентября сего года, переведенъ на священническое мѣсто къ Троицкой церкви села Назаровскаго, Ачинскаго уѣзда. Окончившему курсъ Томской духовной семинаріи Александру Нестерову, по прошенію представлено священническое мѣсто при Спасской церкви села Есаульского, Красноярскаго уѣзда.

Псаломщикъ Тазовской Николаевской церкви Туруханскаго края Павелъ Заводовскій, 16 сентября с. г., уволенъ отъ должности.

† Священникъ села Ладейскаго Пророко-Ильинской церкви, Красноярскаго уѣзда, Павелъ Чижовъ, около 24 августа с. г. умеръ.

† Псаломщикъ Петропавловской церкви села Богучанскаго, Енисейскаго уѣзда Алексѣй Александровъ, 5 августа с. г. умеръ.

На рапортъ и. д. благочиннаго, Канскаго уѣзда, священника Андрея Чельшева, отъ 10 іюля с. г. за № 261, о приобрѣтеніи причтомъ, церковнымъ старостою и прихожанами Шеломовской Петропавловской церкви Св. иконъ и разной церковной утвари для благолѣпія своего приходскаго храма, на собственные средства на сумму въ 277 р. 75., Его Преосвященствомъ 31 августа положена слѣдующая резолюція: „Поименованнымъ въ семь рапортъ лицамъ за ихъ усердіе къ храму Божию, выраженное въ пожертвованіи Св. иконъ и разной церковной утвари для приходскаго своего храма, стоимостью—на 277 р. 75 к., объявляется моя благодарность и преподается Божіе благословеніе, о чемъ и напечатать въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ. Но такъ какъ изъ рапорта причта, между прочимъ, видно, что означенная жертва въ храмъ Божій сдѣлана въ память коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, то я предлагаю духовной консисторіи заготовить отъ меня донесеніе о семь Г-ну Оберъ-Прокурору Св. Синода“.

2.

Отъ Енисейской Духовной Консисторіи.

Духовная консисторія объявляетъ, что на прошеніе одного изъ діаконовъ о предоставленіи ему священническаго мѣста послѣдовала 18 сентября резолюція Его Преосвящ. слѣдующаго содержания: „Консисторія напечатаетъ въ Епарх. Вѣд., чтобы діаконы, неокончившіе курса въ духовной семинаріи, не утруждали Епархіальное Начальство своими просьбами о предоставленіи имъ священническихъ мѣстъ дотолѣ, доколѣ не будетъ дано имъ особаго разрѣшенія отъ Епарх. Начальства на возбужденіе таковыхъ ходатайствъ, о чемъ въ свое время и будетъ сообщено къ свѣдѣнію ихъ чрезъ Епарх. Вѣдомости—съ

точнымъ указаніемъ тѣхъ приходоѡ, въ кои они могутъ проситься. Исключеніе въ этомъ случаѣ могутъ составлять тѣ только о. о. діаконы, которые, хотя и не окончили полнаго курса въ семинаріи, но были изъ 6 или 5-го класса оной и которые отличаются своимъ благоповеденіемъ и своею служебною дѣятельностью во всѣхъ отношеніяхъ, особенно по дѣлу народнаго образованія. Таковымъ предоставляется право и сейчасъ просить себѣ священническія мѣста.“

3.

В а к а н т н ы я м ѣ с т а .

Священническія:

Ачинскаго уѣзда, въ с. Дербинскомъ; Енисейскаго уѣзда, въ с. с. Стрѣловскомъ, Усть-Тунгузскомъ и Чунскомъ; Красноярскаго уѣзда, въ с. с. Иркутскомъ, Ладейскомъ, Миндерлинскомъ; Канскаго уѣзда, въ с. Нижне-Ингашевскомъ, и въ Ессейскомъ приходѣ Туруханскаго края.

Діаконскія:

Ачинскаго уѣзда, въ с. Балахтинскомъ; Минусинскаго уѣзда, въ с. с. Аскызскомъ, Идринскомъ, Казанцевскомъ, Никольскомъ, Усть-Абаканскомъ и Усть-Фыркальскомъ, и при Енисейской Успенской церкви.

Псаломщическія:

Ачинскаго уѣзда, въ с. с. Бирилюскомъ и Чернорѣченскомъ; Енисейскаго уѣзда, въ с. с. Дубческомъ и Богучанскомъ; Красноярскаго уѣзда, въ с. с. Березовскомъ, Нахвальскомъ; Канскаго уѣзда, въ с. с. Шалаевскомъ, Михалевскомъ; при Красноярской Всѣхъ Святыхъ церкви, и при Тазовской церкви Туруханскаго края.

ОТ Д Ъ Л Ъ Н Е О Ф Ф И Ц И А Л Ь Н Ы Й .

1.

Р Ъ Ч Ъ

предъ паннихидою по Иванъ Константиновичъ Кожевниковъ, бывшемъ преподавателъ Красноярской Духовной Семинаріи.

Трудно представить, себѣ трудно вообразить, что нашего дорогого Ивана Константиновича не стало! Невозможно примириться съ мыслию, что „прекрасный добротою бездыханень во гробъ полагается.“ Тяжкій недугъ изнурялъ, истощалъ его силы; мы давно уже видѣли дыханье смерти на его блѣдномъ исхудаломъ лицѣ, но мы ждали и вѣрили, что онъ будетъ живъ. При извѣстїи о его смерти, я думаю, никто не хотѣлъ вѣрить, каждому казалось чѣмъ то немислимымъ, ненужнымъ, преждевременнымъ эта смерть дорогого для насъ наставника. Думаю, что не одинъ вздохъ вырвался изъ груди у каждаго изъ насъ, не одна слеза покатиалась изъ отуманенныхъ очей при этомъ извѣстїи.

Да, товарищи, мы любили его, какъ только могутъ любить молодья души, и онъ заслужилъ эту любовь! Онъ заслужилъ ее цѣною собственной безпредѣльной любви къ намъ. Онъ былъ радъ отдать намъ для нашего блага все-все, что онъ имѣлъ, онъ радъ былъ отдать за насъ душу свою, онъ отдавалъ все, чего достигалъ упорнымъ, тяжелымъ трудомъ и для того, чтобъ мы знали какъ можно больше, чтобъ не оставались для насъ совершенно неизвѣстными цѣлыя громадныя отрасли человѣческаго знанія, чтобъ развивались наши молодые умы, чтобъ обогащались познаніями и крѣпили въ вѣрѣ на будущее.

Вспомните, товарищи, когда совершенно усталый онъ бывалъ у насъ въ классѣ и, не теряя ни минуты драгоценнаго времени, живо и увлекательно рассказывалъ намъ все, что зналъ самъ, сообщалъ намъ свои знанія. И къ концу 4-го урока онъ

уже совершенно ослабѣвалъ, голосъ его падалъ, горло пересыхало, но онъ все говорилъ, стараясь высказать какъ можно больше драгоценныхъ для насъ свѣдѣній. А что было съ нимъ дома послѣ такого труднаго занятія, какъ передача своихъ знаній другимъ, не знаю; быть можетъ, обезсиленный, онъ падалъ и засыпалъ недолгимъ, тревожнымъ сномъ, быть можетъ ему грезились молодые люди, которымъ онъ считалъ себя обязаннымъ передавать всѣ свои знанія и онъ снова начиналъ работать, чтобъ на другой день съ новой энергіей увлечь насъ смѣлыми полетами своихъ мыслей, чтобы послѣдній остатокъ духовныхъ силъ своихъ положить на пользу ближнихъ.

Но теперь? Теперь мы не увидимъ болѣе его, хотя и блѣднаго, но радостнаго лица, не услышимъ его голоса! Его бездыханный трупъ погребенъ въ чужой сторонѣ и хотя живой и радостный духъ его рѣшетъ подлѣ насъ и шепчетъ намъ свои наставленія и благословенія, но поймемъ ли мы теперь слова духа, сбросившаго съ себя брѣнную оболочку, какъ понимали ихъ тогда, когда онъ говорилъ съ нами въ классѣ, или когда бесѣдовалъ съ нами въ свободное время? Нельзя не сказать нѣсколько благодарныхъ словъ памяти Ивана Константиновича за его экскурсію съ нами въ Минусинскій край. Кто изъ экскурсантовъ съ благодарностью и слезами не вспомнитъ дорогаго Ивана Константиновича? Кто не знаетъ, какая польза была принесена намъ этой экскурсіей? Подъ его руководствомъ мы занимались въ Минусинскомъ музеѣ, съ нимъ же мы объѣхали Минусинскія степи и изучали природу этого края. Но для насъ въ настоящую минуту важно не то, сколько мы приобрѣли отъ этой экскурсіи, сколько воспоминаніе о томъ, чѣмъ былъ для насъ Иванъ Константиновичъ! Экскурсія для Ивана Константиновича это было сознательное самопожертвованіе для нашего блага! Развѣ для его удовольствія мы ѣхали туда? Нѣтъ. Кромѣ трудовъ и лишеній, которыя онъ переносилъ, почувя подъ открытымъ небомъ въ степи, да безконечныхъ душевныхъ волненій за насъ онъ ничего не получилъ. Да ему ничего и не нужно было. Онъ

все это дѣлалъ для насъ. Онъ свое здоровье, свою жизнь, свою душу положилъ за насъ. Онъ былъ нашимъ наставникомъ, нашимъ руководителемъ, нашимъ товарищемъ, нашимъ другомъ. Онъ сознавалъ это и для него достаточно было этого сознанія. Онъ ни отъ кого не ожидалъ, да и не хотѣлъ получать ни награды, ни похвалы. О немъ можно сказать что вся жизнь его, или, по крайней мѣрѣ, та ея часть, которую онъ провелъ въ нашей семинаріи, была осуществленіемъ евангельской заповѣди: „больше сія любви никто же имать, да кто душу свою положить за други своя.“

Грустно, невыразимо грустно вспомнить, что послѣдніе дни земной жизни своей онъ провелъ не среди насъ, кому отдалъ все силы свои, а среди чуждыхъ ему людей — далекая чужая сторона приняла останки его въ нѣдра свои.

Умирая, послалъ онъ послѣдній, прощальный взглядъ родному краю, родной семинаріи, роднымъ воспитанникамъ, послѣднее благословеніе и свой послѣдній завѣтъ. Вотъ что онъ писалъ не такъ давно: „На насъ, преподавателей семинаріи, возлагается обязанность располагать воспитанниковъ къ принятію священнаго сана. Но видитъ Богъ, что не ради вѣшняго исполненія этой обязанности я въ одномъ изъ своихъ писемъ указалъ на несравненное величіе пастырскаго служенія, понимаемаго въ его истинномъ, глубокомъ смыслѣ. Просто, голова кружится при одной мысли о томъ, какое громадное дѣло связывается съ пастырскимъ званіемъ, какъ много добра можно оказать людямъ на этомъ поприщѣ и съ какою чистотою можно выполнить свое человѣческое назначеніе!“ (Письмо И. К. Glion 6 17-30 іюня 1902 года). „Какъ хорошо, пишетъ онъ дальше, проникнуть во все обездоленные уголки, во все подвалы и пропасти земли, и все тайныя, душу раздирающія, драмы этихъ мѣстъ вывести на свѣтъ Божій!“ (Ibid.) Нужны ли комментаріи къ этимъ его собственнымъ словамъ? Думаю, что нѣтъ, потому что изъ нихъ видна вся его возвышенная, богато одаренная душа, не желающая мириться съ шаблон-

нымъ только и формальнымъ исполненіемъ нами предстоящихъ намъ пастырскихъ обязанностей.

Воскресимте же, дорогіе товарищи, въ своей памяти образъ незабвеннаго Ив. Константиновича! Да возбуждаеть онъ въ душѣ нашей лучшія силы, да будетъ онъ совѣстью нашей жизни, да будетъ учителемъ нашимъ, зовущимъ насъ самоотверженно работать въ пользу нашимъ ближнимъ, на пользу всякаго добра! Пусть его образъ будетъ для насъ всегдашнимъ напоминаніемъ, сколько хорошаго можетъ сдѣлать одинъ добрый человѣкъ, и этимъ напоминаніемъ всегда поддерживаетъ наши слабые, робкіе шаги на пути добра и служенія истинѣ Христовой.

Священникъ Іоаннъ Благодатовъ.

2.

И. В. Кожевниковъ (*Некрологъ*). 1 августа скончался въ Вейсенбургѣ (въ Швейцаріи) отъ туберкулеза легкихъ преподаватель Красноярской духовной семинаріи Иванъ Константиновичъ Кожевниковъ. Покойный принадлежалъ къ I-II выпуску с.-петербургской духовной академіи (1895 г.) и среди товарищей выдѣлялся какъ блестящими умственными способностями, такъ—еще болѣе рѣдкой высотой нравственнаго характера. По окончаніи курса, однимъ изъ первыхъ, Ив. К. отдалъ все свои богатые силы на служеніе молодой семинаріи на своей родинѣ въ качествѣ преподавателя Св. Писанія В. З., одновременно занявъ мѣсто преподавателя географіи въ женскомъ епархіальномъ училищѣ. Помимо прямыхъ служебныхъ обязанностей покойный съ любовію отдавался въ тоже время изученію быта сибирскихъ инородцевъ „и готовъ былъ,—какъ писалъ онъ одному изъ товарищей,—навсегда отдаться этому пріятному дѣлу“. Но тяжелый учительскій трудъ и суровый климатъ Сибири скоро подорвали слабыя физическія силы Ив. К., и уже въ 1899 году очн долженъ былъ искать спасенія отъ угрожавшей серьезной

опасности подъ теплымъ небомъ Италиі. Полугодичное леченіе принесло немного пользы, а проведенный послѣ поѣздки годъ за служебными занятіями въ конецъ надорвалъ здоровье покойнаго. Осенью 1901 года неумолимый недугъ заставилъ его принять новую поѣздку за границу—на берегъ Средиземнаго моря (въ Ментону), и затѣмъ въ Швейцарію (Гліонъ). Не смотря на крайнія затрудненія въ матеріальныхъ средствахъ, покойный рѣшительно отклонилъ предложеніе воспользоваться снисходительностью начальства, чтобы получить продолженіе отпуску съ сохраненіемъ содержанія, и помышлялъ оиять приняться за свой трудъ учителя. Сознавая всю гибельность сибирскаго климата для своего надорваннаго здоровья, Ив. К. одно время помышлялъ о переходѣ куда-нибудь на югъ Россіи, но, послѣ недолгихъ колебаній, безповоротно рѣшилъ посвятить остатокъ своихъ силъ на служеніе родному краю. Позволяемъ себѣ огласить нѣсколько строкъ изъ письма его къ одному товарищу, относящихся къ этому вопросу. Въ этихъ немногихъ строкахъ выразилась вся нравственная личность покойнаго. „Трудно,— писалъ онъ,—передать всѣ мысли, съ этимъ вопросомъ связанныя. Очень, очень колеблюсь и спрашиваю себя, стоитъ ли перемѣнять мѣсто службы. Вполнѣ сознавая крайне гибельное вліяніе на меня красноярскаго климата, я задумываюсь надъ тѣмъ, многимъ ли дольше жить удастся мнѣ въ лучшемъ и позволяетъ ли мнѣ совѣсть ради лишнихъ, быть можетъ, 2 лѣтъ измѣнять своей родинѣ. Предъ смертью не будетъ ли эта измѣна лежать тяжелымъ бременемъ на моей душѣ? Съ тѣмъ ничтожнымъ запасомъ силъ, какой у меня теперь имѣется въ наличности, мнѣ стыдно будетъ являться куда-нибудь въ новую семинарію, такъ (какъ) всегда на первыхъ порахъ требуется усиленная работа, чтобы возбудить и уваженіе, и довѣріе. Неоднократно проводя съ своей кафедры мысль о необходимости самопожертвованія для дѣла избраннаго, не окажусь ли я теперь жалкимъ обманщикомъ, убѣгающимъ при первой же опасности.. Красноярска боюсь какъ смерти, къ семинаріи

же приросъ самымъ больнымъ мѣстомъ“. По настойчивымъ убѣжденіямъ нѣкоторыхъ друзей, особенно товарища по курсу Е. С. Швидченко, покойный на нѣкоторое время отложилъ свое возвращеніе на родину. Замѣчавшіяся повидимому улучшенія въ состояніи больного давали надежду на выздоровленіе, и по желанію тѣхъ же друзей онъ переѣхалъ изъ Гліона въ санаторію въ Вейссенбургъ. Здѣсь И. К. сталъ было еще больше поправляться, но внезапное кровоизліяніе горломъ сразило остатокъ силъ, и чрезъ два дня послѣ этого, 1 августа въ 5 часовъ утра его не стало. Послѣдніе дни умиравшій былъ окруженъ заботливымъ и нѣжнымъ уходомъ нѣкоторыхъ добрыхъ русскихъ людей, и особенно жи Н. И. Оржевской (урожд. княжны Шаховской). Она же и г. В. А. Мозжухинъ (изъ Москвы) перевезли тѣло покойнаго въ Женеву, гдѣ и совершенно было погребеніе 4 августа. **П. И. Л.**

(Церк. Вѣстн.)

3.

Свѣдѣнія о жизни блаженнаго старца Серафима Саровскаго.

Въ православномъ рускомъ народѣ съ глубокимъ благоговѣніемъ чтится память скончавшагося 2 января 1833 г. подвижника Саровской пустыни, іером. Серафима. Къ мѣсту иноческихъ подвиговъ его и вѣчнаго упокоенія непрестанно во множествѣ стекаются изъ разныхъ мѣстъ Россіи богомольцы, прося предстательства и молитвъ его предъ Господомъ и, по вѣрѣ своей, получая или исцѣленіе отъ болѣзней, или чудесную помощь въ нуждахъ житейскихъ. Болѣе ста случаевъ благодатной помощи по молитвамъ старца Серафима внесено уже по бывшимъ съ 1895 г. предпріятіямъ Свят. Синода, въ особыя ведущіяся при Саровской обители записи. Вѣру народную въ святость старца Серафима и его предстательство предъ Богомъ за притекающихъ къ нему съ

молитвою раздѣляетъ и Вѣнценосный Вождь русскаго народа Благочестивѣйшій Государь Императоръ Николай Александровичъ. Нынѣ, въ день рожденія старца Серафима, 19 іюля Его Величеству благоугодно было вспомнать и молитвенные подвиги почившаго и всенародное къ памяти его усердіе и выразить желаніе, дабы доведено было до конца начатое уже въ Св. Синодѣ дѣло о прославленіи благоговѣйнаго старца. Св. Синодъ призналъ нынѣ благовременнымъ приступить къ потребнымъ для сего распоряженіямъ, каковыя употреблялись прежде сего въ подобныхъ случаяхъ.

Задолго еще до блаженной кончины старца о. Серафима, іеромонаха Саровской пустыни, подвижническая жизнь его была извѣстна не только въ Россіи, но и за предѣлами нашего отечества—во всей православной Церкви. Принявъ ангельскій образъ на 19 году жизни, онъ почти 55 лѣтъ безвыходно жилъ въ Саровской пустыни и прошелъ тамъ всѣ степени подвижничества: несъ сперва общія послушанія—по званіямъ іеродіакона и іеромонаха, подвизался въ отшельничествѣ, подражалъ столпникамъ, былъ молчальникомъ и жилъ въ совершенномъ затворѣ. Среди этихъ разнообразныхъ подвиговъ, сохраняя духъ глубокаго смиренія, онъ стяжалъ богатство добродѣтелей и обиліе даровъ благодати Божіей. Умудренный опытами духовной жизни, постояннымъ благоговѣйнымъ изученіемъ Свящ. Писанія и твореній св. отцовъ и назидательнымъ чтеніемъ житій святыхъ, просвѣщенный духомъ благодати, онъ въ послѣдніе десятки лѣтъ душеспасительно поучалъ вѣрѣ и наставлялъ въ благочестіи многія тысячи людей, ежедневно стекавшихся въ Саровъ изъ разныхъ странъ, чтобы принять благословеніе о. Серафима и выслушать отъ него совѣты и наставленія. Сверхъестественные, благодатные дары, которые обнаруживались въ немъ духомъ прозорливости и силой исцѣленій, придавали особенную дѣйственность и его наставленіямъ. Сладость его бесѣды, исцѣленія душевныхъ и тѣлесныхъ недуговъ, по вліянію его молитвъ и утѣшенія прибѣгающимъ къ нему въ скорби и печали разносили славу о немъ въ дальнія

мѣста. Вѣсть о его подвижнической жизни и благодатныхъ знаменіяхъ передавалась съ одного мѣста на другое и наполняла всю Россію. По кончинѣ его, не только надъ могилою его въ Саровѣ, но и въ разныхъ концахъ нашего отечества возносятся молитвы объ упокоеніи его въ ликѣ святыхъ. Совѣты и изреченія старца Серафима помнятся и повторяются донинѣ, какъ изреченія великихъ подвижниковъ древняго времени. Свѣдѣнія о его жизни и подвигахъ, и особенно о знаменіяхъ благодати Божіей, явленныхъ надъ нимъ и чрезъ него, заботливо собираются и сохраняются для памяти потомства. Вещи, оставшіяся послѣ о. Серафима, даже камень, на коемъ онъ молился, келлія, въ коей подвизался,—все это, какъ святыня, сохраняется въ Саровской пустыни и въ Дивѣев. Сераф. монастырѣ. Убѣжденіе въ богоугодности и святости о. Серафима и увѣренность въ нетлѣніи его останковъ такъ сильны, что въ Дивѣев. обители составлена полная служба и даже акаѳистъ въ честь блаженнаго старца, находящіеся въ рукописи,—хотя о немъ доселѣ совершаются панихиды (а не молебны), какъ о непрославленномъ еще великомъ угодникѣ Божіемъ.

Старець Серафимъ, въ мірѣ Прохоръ, родился 19 іюля 1759 г. въ г. Курскѣ. Родители его, Исидоръ и Агафія, были люди богатые и благочестивые; отецъ его занимался постройкою каменныхъ зданій, преимущественно церковей; величественный двухъ-этажный храмъ преп. Сергія въ Курскѣ начатъ постройкою его отцомъ въ 1762 г., а законченъ подъ наблюденіемъ его матери въ 1778 г. Съ младенчества Прохоръ находился подъ особымъ охраненіемъ Промысла Божія: въ юности дважды чудесно былъ спасенъ отъ смерти (въ 1763 г. при паденіи съ строившейся высокой колокольни Сергіевой церкви, и въ 1769 году отъ тяжелой болѣзни). На благочестиваго юношу сильно вліялъ одинъ Христа ради юродивый, который и расположилъ Прохора къ уединенной монашеской жизни: семнадцатилѣтнимъ юношей онъ съ благословенія матери, рѣшился посвятить себя всецѣло Богу.

Изъ Курска онъ прежде всего посѣтилъ Кіево-печерскую лавру, гдѣ благочестивый затворникъ Досіеѣй, провидя въ Прохорѣ добраго подвижника Христова, указаль ему на Саровскую пустынь, гдѣ, подъ руководствомъ настоятеля богоугодной жизни Пахомія, онъ найдетъ спасеніе и окончитъ земное странствованіе. Въ Саровъ Прохоръ прибылъ 20 ноября 1778 г. и ласково былъ принятъ о. Пахоміемъ, уроженцемъ гор. Курска. Подъ руководствомъ іеромонаха Іосифа онъ проходилъ разныя послушанія (былъ въ хлѣбнѣ, затѣмъ въ просфорнѣ, въ столярнѣ, затѣмъ исполнялъ должность будильщика), каковыя исполнялъ безропотно и съ особеннымъ усердіемъ. Послѣ чудеснаго исцѣленія отъ тяжелой и продолжительной болѣзни, Прохоръ несъ послушаніе сборщика пожертвованій на устройство монастырской больницы, въ коей устроена церковь въ честь препод. Зосимы и Савватія; для сего храма Прохоромъ былъ сдѣланъ кипарисовый престоль. Въ 1786 году 13 августа Прохоръ былъ постриженъ въ монашество (настоятелемъ Пахоміемъ), съ нареченіемъ ему имени Серафима—за пламенную его ревность къ богоугодной жизни. Въ декабрь 1787 г. монахъ Серафимъ былъ рукоположенъ Владимірекимъ епископомъ Викторомъ въ іеродіакона и съ того времени почти безпрерывно находился въ храмѣ Божіемъ по обязанности іеродіакона. Для пощныхъ уединенныхъ моленій онъ въ дѣсу устроилъ келлію, гдѣ нерѣдко цѣлыя ночи проводилъ въ молитвѣ, возвращаясь рано утромъ въ монастырь для исполненія своихъ обязанностей. Въ 1793 г. 2 сентября Серафимъ былъ рукоположенъ въ іеромонаха, въ Тамбовѣ, епископомъ Теофиломъ. Предъ кончиною о. Пахомія († 1793 г.) Серафимъ испросилъ благословеніе на пребываніе въ пустыни, которая имъ была устроена на холмѣ, на берегу р. Саровки, въ 5 верстахъ отъ обители. Въ монастырь онъ приходилъ въ воскресные и праздничные дни для принятія святыхъ Таинъ. Епархіальное начальство такъ высоко цѣнило подвиги и благочестивую жизнь о. Серафима, что не разъ предлагало ему настоятельскія мѣста (какъ то: въ Красно-

слободскомъ, Алатырскомъ и др. монастыряхъ), даже съ возведеніемъ въ санъ архимандрита, но онъ, по своему смиренію, отказывался отъ оныхъ. Подвиги, совершенные старцемъ Серафимомъ вѣдомы только одному Богу, такъ какъ онъ тщательно скрывалъ оные отъ взоровъ людскихъ. Извѣстно только, что около трехъ лѣтъ онъ питался травой (снитья) и огородными овощами, не вкушая хлѣба; тысячу дней молитвенно провелъ онъ (по ночамъ) на камнѣ. Въ 1804 г. 12 сентября три злоумышленника, подозревая, что у старца много денегъ, избили его до полусмерти, послѣ чего о. Серафимъ взятъ былъ въ монастырь, гдѣ долго, пролежалъ въ больницѣ. По выздоровленіи старецъ возвратился въ свою пустынь и, по смерти настоятеля Исаи († 4 дек. 1807 г.), паложилъ на себя обѣтъ молчанія; затѣмъ, по требованію братіи, въ 1810 г. прибылъ въ монастырь и, соблюдая обѣтъ безмолвія, заключился въ затворѣ. Въ келліи у него была только икона предъ которою горѣла лампада, и отрубокъ пня вмѣсто стула. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ приносили ему Тайныя причащенія. Впослѣдствіи старецъ началъ принимать посѣтителей съ цѣлью назиданія, утѣшенія и врачеванія, при чемъ нерѣдко прозрѣвалъ мысли и дѣянія посѣщавшихъ его, дѣлая при этомъ различныя наставленія. Двери келліи его были открыты для всѣхъ отъ ранней литургіи до 8 часовъ вечера. Приходящихъ старецъ принималъ такъ: онъ былъ одѣтъ въ обыкновенный балахонъ и полумантію, съ епитрахилью на шеѣ (въ дни, когда онъ пріобщался св. Тайнамъ) и на рукахъ поручи. Послѣ бесѣды, старецъ заставлялъ посѣтителей наклонять головы, возлагалъ на нихъ конецъ епитрахили и правую руку, предлагалъ за собою произносить краткую покаянную молитву, читалъ молитву разрѣшенія отъ грѣховъ и благословлялъ главы пришедшихъ; послѣ того крестообразно помазывалъ чело елеемъ отъ келейной иконы, а не вкушавшимъ пищи давалъ вкушать богоявленской воды и антидора и предлагалъ цѣловать келейную икону или крестъ (благословеніе его матери), каковой онъ носилъ до

смерти поверхъ своей одежды. Посѣтителей бывало у него ежедневно до 2,000 человекъ, и никто не уходилъ отъ старца безъ благословенія и утѣшенія. По предсмертному завѣщанію настоятеля Саровской обители Пахомія, старецъ принималъ большое участіе въ открытіи женскаго Дивѣвскаго монастыря (основаннаго сначала въ видѣ общины вдовою полковника Агаѳею Дельгуною, въ монашествѣ Александрю). Его же заботливостью благоустроилась обитель женская въ г. Ардатовѣ.

Въ подробныхъ описаніяхъ жизни и подвиговъ старца Серафима представлено множество случаевъ его дивнаго дара прозрѣнія, коимъ онъ пользовался большею частію для возбужденія раскаянія въ грѣхахъ и для нравственнаго исправленія. Предъ концомъ жизни блаженный старецъ удостоивался явленій небожителей и Пресвятой Богородицы. Задолго блаженный старецъ предугадалъ свою кончину. За нѣсколько дней до смерти о. Серафимъ самъ указалъ себѣ могилу, сбоку алтаря Успенскаго Собора, на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ, по выходѣ изъ затвора, положилъ камень. Къ смерти своей блаженный старецъ былъ готовъ давно; по его желанію, былъ сдѣланъ изъ дуба (выдолбленный) гробъ, каковой находился въ стѣнахъ его келліи; января 1-го 1833 г. блаженный старецъ приобщился св. Тайнъ за раннею литургіею въ больничной церкви преп. Зосимы и Савватія, приложился къ престолу и св. иконамъ, простился со всеми братіями, бывшими въ этой церкви. Наканунѣ кончины о. Серафимъ пѣлъ пасхальныя пѣнопѣнія. Утромъ 2 января изъ келліи его слышали запахъ дыма; нѣкоторые изъ братіи, полагая, что въ келліи старца пожаръ, вошли въ нее и увидѣли о. Серафима стоящимъ на колѣняхъ предъ аналоемъ, на мѣстѣ обычной его молитвы, съ открытою головою и съ мѣднымъ распятіемъ на шеѣ; и онъ во время молитвы тихо окончилъ свою подвижническую жизнь. Слухъ о кончинѣ его привлекъ тысячи богомольцевъ; отпѣваніе о. Серафима было совершено игуменомъ Нифонтомъ съ братіею, и тѣло праведника было погребено на

указанномъ имъ мѣстѣ. Надъ могилою св. старца нижегородскій купецъ Я. Сырневъ поставилъ чугунный памятникъ съ надписью „жилъ во славу Божию 73 года, 5 мѣсяцевъ и 12 дней“.— При жизни старца были написаны съ него два портрета. Одинъ изъ нихъ былъ написанъ художникомъ Академіи Дим. Евстафьевымъ для г. Анненковой, и ею потомъ переданъ въ Саровскую пустынь; во время написанія сего портрета о. Серафиму было около 50 лѣтъ. Блаженный старецъ представленъ съ открытою головою; лицо у него чистое, бѣлое, глаза голубые, носъ прямой съ небольшимъ возвышеніемъ; волосы свѣтлорусые, густые съ просѣдью; рука одна съ другой соединены на груди; старецъ стоитъ одѣтымъ въ мантию. Другой портретъ о. Серафима былъ списанъ лѣтъ за пять до его кончины художникомъ Серебряковымъ (впоследствии Саровскимъ монахомъ). На этомъ портретѣ о. Серафимъ изображенъ въ мантии, епитрахили и поручахъ, въ томъ видѣ, какъ онъ приступалъ къ принятію св. Таинъ. По этому портрету видно, что лѣта и иноческіе подвиги сильно измѣнили наружный его видъ: лицо представлено блѣднымъ, изможденнымъ отъ трудовъ; волосы на головѣ и на бородѣ густые, но не длинные, и сѣдые; правая рука положена на епитрахиль.— Большинство вещей, даже камни, на коихъ молился прав. старецъ, были взяты въ Дивѣво-Серафимовскую обитель. Мѣдный крестъ (благословеніе матери), который о. Серафимъ носилъ на себѣ, по распоряженію Іакова, Нижегородскаго епископа, былъ переданъ также монахинямъ Дивѣвскаго монастыря. Обѣ келліи о. Серафима также взяты въ Дивѣвъ; въ одной изъ нихъ совершается неуспынное чтеніе псалтири за усопшихъ, а другая келлія обращена въ алтарь въ церкви Преображенія Господня. Келейная его икона Умиленія Божіей Матери находится въ трапезной Дивѣвской обители. Благочестивые посѣтители питаютъ особенное усердіе къ сей иконѣ. Предъ нею еженедѣльно читаютъ акаѣисты. По смерти блаженнаго старца, по молитвамъ его, многіе получали исцѣленіе отъ болѣзней. Свѣдѣнія о жизни старца Серафима большею частію были

собраны по рассказамъ современниковъ и очевидцевъ его богоугодныхъ подвиговъ. Первые извѣстія о жизни его были напечатаны въ 1841 г. Это сочиненіе, съ нѣкоторыми дополненіями, имѣло нѣсколько изданій; въ 1844 г. было помѣщено въ „Маякѣ“ новое сказаніе о жизни и подвигахъ о. Серафима. Московскій митрополитъ Филаретъ, глубоко уважавшій „прозорливаго“ старца, особенно заботился объ изданіи его житія, какъ видно изъ писемъ этого святителя къ намѣстнику Троице-Сергіевской лавры, архимандриту Антонію, свято чтившему о. Серафима (письма т. I. 360, 253—254; 273 и др.); самъ трудился надъ исправленіемъ поученій праведнаго старца, каковыя (поученія) были изданы подъ названіемъ: „Наставленія“. Жизнь о. Серафима подробно (хотя и неискусно) изложена іеромонахомъ Авелемъ, въ его описаніи Саровской пустыни, 1860 г. Въ 1887 г. вторымъ изданіемъ вышло въ Москвѣ „Житіе старца Серафима съ приложеніемъ его наставленій и келейнаго молитвеннаго правила, съ рисунками“ неизвѣстнаго автора (Духов. Вѣстникъ 1884 г. № 34). Сказаніе о жизни старца Божія, іеромонаха Серафима, пустынника и затворника Саровскаго, составлено игуменомъ Павлообнорскаго монастыря Іоасафомъ, въ схимѣ Серафимомъ (Сиб. 1885 г.).

Въ алтарѣ кладбищенской церкви Серафимо-Дивѣев. женскаго монастыря (Нижег. еп.) сохраняются вещи, принадлежавшія старцу Серафиму, какъ то: корень дерева, чрезъ которое о. Серафиму, по его молитвамъ, явлено было знаменіе преклоненія сего дерева въ сторону Дивѣевской обители, какъ знакъ Богу угодной его заботливости объ означенной обители; старинная книга, заключающая въ себѣ: псалтирь, евангеліе и апостоль, переплетенные вмѣстѣ; эту книгу св. старецъ во всю жизнь имѣлъ при себѣ; стулъ изъ его монастырской келліи; за алтаремъ, въ особомъ помѣщеніи, также находятся вещи, принадлежавшія старцу Серафиму, какъ то: мѣдное распятіе, данное ему отъ матери, какъ благословеніе, кожанная полумантія, епитрахиль, камилавка, шуба, коты, лапти и бахилы, топоръ и деревянныя крупныя четки, обломки камней, на которыхъ св. старецъ при жизни молился. [Мѣсяцесловъ рус. святыхъ, А. Димитрія, январь стр. 23—29).

Вокругъ маяка.

(Продолженіе).

Сектанты, поддерживаемые интеллигенціей, по словамъ эксперта, стараются обълить себя всеми правдами и неправдами. Такъ, напр., штундисты, не желая подвергать себя преслѣдованію, всегда указываютъ на себя, какъ на баптистовъ, т. е. лицъ, которыхъ законъ оставляетъ въ покоѣ. Но то, что прикрывается этимъ именемъ (баптизмъ), „есть, говоритъ экспертъ, ни что иное, какъ переодѣтая штунда—безформенная и шатающаяся“.

Сектантство среди крестьянъ при такихъ условіяхъ все болѣе и болѣе развивается. Однако въ послѣднее время, по замѣчанію того же эксперта, и въ мужичкахъ пробуждается сознаніе ложности пути, по которому ихъ повела за собой интеллигенція.

— И въ нихъ, говоритъ экспертъ, пробуждается настоящее рвеніе. И они начинаютъ смекать—куда это идетъ. Изувѣрство сектантовъ падаетъ на ихъ же голову. Ежели они у насъ, въ среднихъ губерніяхъ, будутъ производить кощунственныя оказательства—какъ это столько лѣтъ бывало на югѣ—мужичекъ съумѣетъ постоять за свою святыню. А пока—надо бить въ одну точку—русскаго баптизма нѣтъ, и признавать его могутъ только измѣнники своему народу и государству.

Устами Булашова авторъ старается дать характеристику свѣтскому чиновнику. А когда экспертъ упомянулъ о „булашовщинѣ“ [сектантскомъ движеніи, созданномъ отцомъ Булашова], то Булашову показалось, что это слово „звучало злобно-презрительно, какъ если бы онъ произнесъ: „пугачевщина“ или „хлыстовщина“. Но тѣмъ менѣе было повода осадить эксперта и назвать себя [Булашова]. Это было бы прямо профанаціей памяти отца.

Такъ какъ Булашовъ наиболѣе видное дѣйствующе-

щее лицо второй группы, то съ нея мы и начнемъ воспроизведеіе типовъ этой группы.

По Манилину [знакомый Булашова] Булашовъ—сторонникъ „евангелическаго сектантства.“ Самъ же Булашовъ не признаетъ себя за челоѣка опредѣленнаго символа вѣры. „Никакого хомута, въ видѣ безусловнаго догмата, онъ на себя не надѣвалъ“. Правда, его отецъ пострадалъ за дѣло пропаганды, сталъ „мученикомъ“. Но дѣло отца „въ вѣрныхъ рукахъ,“ не нуждается въ помощи со стороны Булашова—сына. Послѣдній не считаетъ необходимымъ и даже логичнымъ быть пропагандистомъ. Отъ отца онъ унаслѣдовалъ только идею свободы совѣсти. Эта идея для него исчерпываетъ все содержаніе его внутренней жизни. Онъ—„другъ свободы совѣсти.“ Каждый, по нему, ищетъ истину посвоему.

— Но разъ ты, говоритъ Булашовъ, вообразилъ себѣ, что ты только распозналъ ее,—все равно, дана ли она тебѣ свыше, или ты до нея дошелъ своимъ умомъ—ты не можешь быть терпимъ.

Фанатизма у него „нѣтъ ни на грошъ.“ Онъ даже не хочетъ спорить по вопросамъ религіи. И вотъ почему и тѣмъ болѣе онъ не можетъ помириться съ тѣмъ, что религія является подъ опекой государства, такъ что онъ, Булашовъ, принужденъ исполнять обряды, какъ своего рода казенную повинность. Не мирится съ его убѣжденіемъ и опека интеллигентовъ надъ крестьянами, когда эти интеллигенты стараются дать мужичкамъ какой-нибудь свой символъ. По поводу такой опеки онъ говоритъ:

— Пускай всякій имѣетъ своего Бога и свою правду, какъ онъ разумѣетъ; но чтобы каждый былъ воленъ исповѣдывать ихъ открыто, всегда и вездѣ!

Въ силу того же принципа свободы совѣсти, Булашовъ сочувственно относится къ тѣмъ, которые не принадлежатъ къ господствующей Церкви. Онъ сожалѣетъ о своемъ отцѣ, пострадавшемъ за свою вѣру, прекрасно относится и къ раскольникамъ, которые не пойдутъ ни на какой „компромиссъ“

— Надъ ними нѣтъ, замѣчаетъ онъ, въ дѣлахъ совѣсти никакой указки, кромѣ того, что они—худо ли хорошо, правильно или неправильно—считаютъ непреложной истиной.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Булашовъ—свѣдущій человѣкъ въ дѣлахъ расколо-сектантства, ведетъ широкое знакомство съ нашими сектантами и старообрядцами, пользуется уваженіемъ среди послѣднихъ и является ходатаемъ за первыхъ, когда сектантскія дѣла становятся предметомъ судебного разбирательства въ высшихъ правительственныхъ сферахъ.

Убѣжденія Булашова проникнуты въ сильной степени индифферентизмомъ. Въ этомъ немного и упрекаетъ его одинъ знакомый его, Костровинъ. Булашовъ въ отвѣтъ хочетъ показать, что онъ не заслуживаетъ такого упрека. Онъ всегда держался и держится того убѣжденія, что „у насъ въ интеллигенціи—постыдное равнодушіе къ самымъ кореннымъ устоямъ духовной жизни... къ вопросу совѣсти, къ ея свободѣ. А главное—къ тому что... безъ какого бы то ни было исповѣданія нельзя жить... другими словами—безъ Бога.“ Нельзя же „считать себя „интеллигентомъ“ и возиться только съ своей праздною и скучающею личностью.“ Равнодушіе разлилось, по словамъ Булашова, повсюду и захлестнуло собою даже Москву, въ которой Булашовъ теперь не видитъ исканія правды Божіей. Люди перестали стремиться къ истинѣ и ищутъ сначала то,

что нужно искать послѣ достиженія вѣчной правды. Вотъ, напр., графиня. Она стоитъ за эмансипацію женщины. Но женской свободы надо добиваться, по мысли Булашова, послѣ окончательнаго рѣшенія вопроса о свободѣ совѣсти, такъ какъ послѣдняя—главнѣйшій, первый источникъ всякой правды.

На ряду съ Булашовымъ стоятъ „баринъ Арбузовъ,“ свѣтская дама Ина и Манилинъ. Всѣ они стоятъ за свободу совѣсти и считаютъ церковниковъ „насильниками.“ Но въ характерѣ Ины замѣчается переходъ къ опредѣленному символу. Она проникнута „мистцизмомъ,“ „выбираетъ Бога по себѣ“ и считаетъ свое мистическое настроеніе источникомъ поэзіи, безъ котораго поэзія и существовать не можетъ. Съ „клерикализмомъ,“ которымъ она когда то увлекалась, у нея теперь порваны всякія связи. Вліяя на своего мужа, она и его хочетъ сдѣлать мистикомъ.—Манилинъ идетъ еще далѣе и своимъ символомъ считаетъ піэтизмъ, проявляя тенденцію перенести послѣдній въ особую церковную общину, которая имѣла бы опредѣленную организацію.

Есть въ ряду „достигшихъ правды“ и столяръ, который признаетъ изъ евангелія только заповѣдь о любви да „одинокую и ежечасную молитву,“ отрицая ученіе о благодати и молитву общественную.

— Когда люди собираются, поютъ, проповѣдуютъ—они только въ опьяненіе себя приводятъ. Ничего этого не нужно. Дана одна молитва и одна заповѣдь, говоритъ этотъ новый „исповѣдникъ.“

Мастеровой особенно симпатиченъ автору повѣсти. Самъ Булашовъ, сливающійся съ личностью автора отъ начала до конца повѣсти, и тотъ заключаетъ всѣ свои думы такими разсужденіями:

— Если-бъ онъ [Булашовъ] сталъ подводить итоги своему собственному исповѣданію вѣры—развѣ онъ могъ бы высказаться такъ опредѣленно и твердо, при томъ послѣ большихъ колебаній и долгой внутренней работы, какъ этотъ грамотный мастеровой, „разночинецъ“, которому, пожалуй, иной вмѣнить чуть не въ преступленіе уже одно то, что онъ самъ, на свой страхъ ищеть, какъ онъ выражается, „благой вѣсти!“

Не забыты Боборыкинымъ и наши раскольники. Булашовъ, какъ мы уже знаемъ, пропѣлъ имъ панегирикъ. Сочувствуетъ имъ и Костровинъ: „Глубокіе глаза раскольниковъ, строго глядящіе на васъ изъ-подъ надвинутаго платка“, и „истовыя лица мужиковъ“ произвели на послѣдняго сильное впечатлѣніе. Въ раскольникахъ нашего времени, оказывается, нѣтъ и того фанатизма и невѣжества, которыми они ранѣе отличались. Правда, раскольникъ-поповецъ Сырковъ не сталъ при встрѣчѣ цѣловаться съ Костровинымъ, какъ дѣлалъ это съ другими. Однако это потому, что Сырковъ не знаетъ Костровина за своего единомышленника. Но тотъ же Сырковъ не считаетъ чай „богомерзкой травой“, какъ думаютъ другіе раскольники.

— Предки наши, дѣйствительно, считали китайскую траву зельемъ, по недомыслию... я такъ думаю, говорилъ онъ.

Табакъ также не „богомерзкая трава“, и если Сырковъ не хочетъ курить, то только потому, что „курильщикъ не воленъ быть себѣ господиномъ. Какъ только онъ хоть полчаса не можетъ заняться... онъ совсѣмъ разстроился“. А другимъ даже въ своемъ домѣ онъ не препятствуетъ курить и „курильщика“ онъ „чураться не будетъ“. Вообще Сырковъ не боится „мірщенія“,— онъ изъ просвѣщенныхъ. И не даромъ. Вѣдь онъ че-

ловѣкъ начитанный, имѣеть громадную библіотеку.

Тотъ же Сырковъ отмѣчаетъ фактъ терпимости и у безпоповцевъ. И у нихъ „промежь болѣе образованныхъ... или, по просту сказать, толковыхъ, нѣтъ ужъ такого чуранья... съ нами же или съ церковными“. Авторъ идетъ далѣе и устами Булашова утверждаетъ, что „преданность“ раскольниковъ „буквѣ—это ихъ способъ отстаиванія традиціи. Когда стануть больше знать—страхнутъ съ себя и буквоѣдство, а самостоятельность сохранять“.

Но если всѣ указанные лица второй группы такъ или иначе хотять лично имѣть дѣло съ религіознымъ чувствомъ, жить религіозной жизнью, то есть въ этой же группѣ и такія личности, которыя далеко ушли отъ всякой вѣры, отъ всякаго религіознаго исповѣданія. Графиня, какъ намъ уже извѣстно, не считаетъ вѣроисповѣднаго вопроса вопросомъ первостепенной важности. Ея альфа и омега—феминизмъ. Появляется въ повѣсти иногда студентъ, который иронически произноситъ слово „экспертъ“ и смотритъ на церковь только съ соціологической точки зрѣнія, интересуясь тѣмъ, какой оборотъ въ будущемъ примутъ отношенія между церковью и государствомъ. Наконецъ есть среди „исповѣдниковъ“ и профессоръ, по фамиліи Грязевъ. Грязевъ натуралистъ. Когда то, будучи студентомъ, Булашевъ былъ его слушателемъ. Прошло нѣсколько лѣтъ и Грязевъ замѣтилъ при первой же встрѣчѣ въ своемъ ученикѣ „атавизмъ мистики“. Но когда Булашовъ заявилъ, что онъ никакими догматами не связанъ, Грязевъ сказалъ: — Въ добрый часъ!

Грязевъ возмущенъ „современнымъ разбродомъ“, тѣмъ, что „клерикалишки стали провозглашать банкротство науки“. Бранитъ этихъ, по его словамъ, „шүтовъ“,

„обскурантовъ“, „гасильниковъ“, проповѣдующихъ „пержитокъ средневѣковаго рабства предъ жупелами, созданными подлымъ страхомъ... предъ Непознаваемымъ“. Не можетъ слышать тѣхъ, которые отрицаютъ Дарвина, Пастера во имя знахарокъ. Профессоръ нападаетъ и на Толстого за проповѣдь непротивленія злу, которая „явилась оправданіемъ всякой дрянности, всего, что у насъ накопилось вѣками, холопства, трусости, кисляйства“. Характеристику „разброда“ Грязевъ заканчиваетъ тѣмъ, что находитъ вездѣ какое то поразительное легкомысліе. Говоритъ лекцію натуралистъ—толпа устраиваетъ ему оваціи; говоритъ церковникъ „мистическую канитель, хоть объ антихристѣ“—„такой же приѣмъ“. Вездѣ „разбродъ, повальное ренегатство, потакательство всякой блажи, трусливой апатіи, мистическому и декадентскому юродству“.

Да проститъ насъ читатель за длинную рѣчь о характерѣ типовъ Боборыкина. Хотѣлось достигнуть большей полноты, не пропустить ни одного важнаго штриха, выдающейся черточки. Притомъ же эти типы такъ интересны. Чѣмъ больше присматривалась мысль къ исповѣдникамъ нашего времени, тѣмъ больше и больше они представлялись живыми, выхваченными изъ жизни. Временами получалось ошеломляющее впечатлѣніе... Такъ вотъ они, эти исповѣдники... И еще грустиѣ становилось, когда приходилось узнавать, что исповѣдь этихъ лицъ встрѣтила сочувствіе въ обществѣ, а повѣсть еще болѣе возбудила интеллигенцію противъ церкви. Не будемъ, однако, сильно забѣгать впередъ.

„Итакъ, скажете вы, на церкви лежитъ громадная нравственная вина. И это не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ церковники и эксперты, выведенные Боборыкинымъ, взяты изъ жизни. Они вошли въ повѣсть, зна-

чить они жизненные типы. А если такъ, то вотъ до чего дошла церковь! Она не церковь любви, а гонительница, безусловно несправедливая. Это—церковь чиновниковъ!“ Обвиненіе громадно и тяжело, и безъ отвѣта его нельзя оставлять.

Безъ гнѣва и тенденціи, за провѣркой исповѣдническихъ показаній обратимся къ фактамъ жизни. Что же они намъ говорятъ?

Вы скажете: „во всякомъ слухѣ есть доля правды“. Пусть. Но развѣ вы не знаете того, что человѣку иногда свойственно ошибаться? Люди не всевѣдущи. Не обладаютъ всевѣдѣніемъ и миссіонеры-эксперты. Скажите по совѣсти: у васъ, въ вашемъ безпристрастномъ мірѣ не бываетъ погрѣшностей въ сужденіяхъ о людяхъ? Или вамъ не извѣстны такъ называемыя судебныя ошибки? И почему вы о нихъ такъ не кричите? почему вы не создаете типовъ своихъ судей, дѣлающихъ роковыя ошибки? Или вы потому и возмущаетесь миссіонерами, что ихъ дѣятельность касается самой дорогой святыни человѣка? Но почему же вы сами не цѣните эту святыню, почему вы сами не дорожите ею? Вы возмущаетесь. Выслушайте же настоящую причину вашего возмущенія. Вы создали ученіе о безусловной свободѣ человѣка; вы хотите, чтобы всякій ни въ чемъ не чувствовалъ стѣсненія. Дитя бранить родителей. „Оно не понимая дѣлаетъ это“, говорите вы. Совершено преступленіе, созданное свободой—вы говорите: „здѣсь мы имѣемъ дѣло съ помѣшательствомъ, всегда съ помѣшательствомъ“. Ученіе о свободѣ вы хотите вездѣ насадить—и у себя дома, и тамъ въ народѣ. Вы хотите облагодѣтельствовать его. И какъ только кто-либо начинаетъ призывать народъ къ здравомыслію, вы и начинаете кричать: „народъ! твоя свобода стѣснена; тебя хотятъ мучить; му-

жайся и ты добьешься правды или примешь мученической вѣнец“. Стихійная мысль народа, созданная вами, волнуется. Народъ начинаетъ кричать сильнѣе васъ. Вы достигаете своего. И какъ только достигли, такъ перестаете думать о томъ, что же будетъ дальше? Отъ удовольствія потираете руки и не видите, что дѣлаетъ стихія.

Опьяненные достигнутымъ эффектомъ, вы спокойно предаетесь кабинетнымъ и салоннымъ размышленіямъ о гоненіяхъ и страданіяхъ. Да гдѣ же, спросить васъ, эти гоненія? откуда вы ихъ взяли? Вотъ вамъ новые факты. Церковь насильно не обращаетъ къ себѣ, не заставляетъ вѣровать въ ея ученіе. Она даетъ наставленіе приходскому священнику, чтобы онъ проповѣдывалъ ученіе церкви, при чемъ для борьбы съ сектантствомъ рекомендуетъ ему „открытыя (замѣтьте, Церковь дѣйствуетъ не изъ-за угла!), проникнутыя духомъ пастырской кротости и растворяемыя христіанскою любовію (извѣстно ли вамъ это?) собесѣдованія съ заблуждающимися и отдѣлившимися отъ святой церкви о предметахъ вѣры, нравственности и церковнаго чина“ (Опред. Св. Синода, отъ 25 мая 1888 г. за № 1116, § 8 б.). Еще: „Во время собесѣдованій миссіонеръ, въ отношеніи къ раскольническимъ и сектантскимъ совопросникамъ и вообще къ раскольникамъ и сектантамъ, долженъ соблюдать потребныя проповѣднику и защитнику истины душевное спокойствіе, кроткое обращеніе и снисходительное терпѣніе, не смущаться ихъ дерзостями, но братолюбиво обличать ихъ неприличіе, не отвѣчая безумнымъ по безумію ихъ. Къ содѣйствію полицейской власти для собственной защиты, или охраненія на собесѣдованіяхъ порядка и тишины миссіонеръ можетъ прибѣгать лишь въ крайнихъ случаяхъ, когда,

напримѣръ, станеть яснымъ, что присутствующіе на собраніи раскольники и сектанты угрожаютъ произвести беспорядокъ или причинить насиліе“ (Тамъ же, § 13). О какихъ же насильникахъ послѣ этого вы говорите? Есть, правда, сектанты, которыхъ у насъ преслѣдуютъ, подвергаютъ или церковному, или гражданскому наказанію. Но за что? „за допущеніе ими по религіознымъ побужденіямъ посягательства на жизнь собственную или своихъ ближнихъ, за существованіе въ сектѣ гнусныхъ и безнравственныхъ дѣйствій, какъ, напримѣръ, свальнаго грѣха въ хлыстовской сектѣ и т. п., и за проявленія сектантами стремленій, направленныхъ противъ существующаго государственнаго и общественнаго строя и имѣющихъ цѣлью поколебать основы семьи, общества и государства“. Но при этомъ „епархіальнымъ начальствамъ рекомендуется необходимость соблюденія осторожности при вчинаніи судебныхъ о сектантахъ дѣлъ“, такъ что „прежде начинанія таковыхъ дѣлъ надлежитъ произвести тщательныя предварительныя дознанія, чрезъ духовныхъ лицъ, о совершенныхъ сектантами нарушеніяхъ закона“. (Опред. Св. Синода по поводу доклада Θεогноста, архіепископа Новгородскаго, 11 марта 1900 г.). По закону 1894 года штунда признана болѣе вредной сектой, потому что она подрываетъ жизнь церковную и государственную и потому подвергается преслѣдованію за устроеніе общественныхъ моленій. Въ связи съ этимъ циркуляръ Г. Министра Юстиціи 3 апрѣля 1900 г. за № 10682, устанавливаетъ тотъ фактъ, что штундисты, желая избѣжать преслѣдованій за свои публичныя собранія, настойчиво именуютъ себя баптистами, не подходящими подъ дѣйствіе закона о штундистахъ 1894 г., вводятъ тѣмъ самымъ въ заблужденіе судебныя власти и потому по прежнему подвергаются преслѣдованію.

Скажите: развѣ всего этого вамъ мало и все это не факты? или законы не выражаютъ фактовъ, пишутся на основаніи первыхъ попавшихся подъ руку корреспонденцій? Но гдѣ же здѣсь нарушеніе человѣческихъ правъ? Развѣ гражданскій судъ болѣе или менѣе благоустроенной страны не караетъ тѣхъ же дѣяній? Гдѣ здѣсь столь прославляемое вами мученичество? Истинные исповѣдники не отрекаются отъ своей вѣры, отъ своихъ убѣжденій во время гоненій и къ іезуитскимъ уловкамъ не прибѣгаютъ. Или вы хотите, чтобы сектанты и нѣмцы, отпускающіе деньги на штундистовъ и ихъ проповѣдь, сѣли намъ на шею? Но вѣдь тутъ дѣло касается и вашей экономической жизни, которою вы такъ дорожите. Говорю по совѣсти, которая вами неизвѣстно отъ кого защищается, увѣряю васъ честнымъ словомъ, которому вы часто больше вѣрите, чѣмъ свидѣтельству предъ Богомъ, что мнѣ наши крестьяне жаловались на сектантовъ за то, что послѣдніе грабятъ ихъ, мошенничаютъ, отнимаютъ у нихъ ихъ же добро и прибѣгаютъ къ спаиванью ихъ водкою. Какъ это далеко отъ мученичества и похоже на разбойничество!

Вы стоите за свободу совѣсти. Ее никто и не отнимаетъ у васъ. Васъ только убѣждаютъ сдѣлать оборотъ на себя. Въ существѣ дѣла вы стоите за свободу отъ всякаго исповѣданія. По вашему мнѣнію, мода на религію прошла. Христіанство для васъ часто устарѣвшая практическая продѣлка. На западѣ связь общества съ церковью порвана. Отсюда тамъ удивительные эксперименты въ области религіозной и семейной жизни. Тоже шатаніе начинается и у насъ. Вы не кричите и даже не думаете о поруганіи св. иконъ, кощунствѣ надъ священными предметами алтаря. Это васъ не возмущаетъ и вы говорите, святые не нуждаются

въ вашей защитѣ. Такъ поступаете вы потому, что вы не преклоняетесь предъ міромъ святыхъ. Святые для васъ ниже вашего „я“ и ниже близкихъ вамъ людей. Вы, вѣдь, такъ чутки къ личному оскорбленію и дуэль для васъ—лучшій нравственный исходъ изъ положенія „невинно“ оскорбленныхъ. Отставъ отъ живой вѣры въ Бога, вы поставили себя—свои сужденія—мѣриломъ всего. Создалась за чашкой кофе теорія, неси ее скорѣе въ темный народъ, день и ночь думающій о Богѣ и хлѣбѣ насущномъ! „Вотъ-де утѣшеніе тебѣ! послушай насъ и для тебя настанетъ лучшая жизнь“. Начинается экспериментъ, за нимъ идетъ другой и т. д. Такъ вы и путаете народъ сегодня одной теоріей, завтра другой. И не даете народу ничего опредѣленнаго, ничего устойчиваго, такъ что и самъ народъ въ концѣ концовъ иной разъ вздохнетъ да и скажетъ: „о, Господи, да что жъ это такое? господа что-то того... братцы, какъ будто закружились“. А это бываетъ и бываетъ по весьма понятной причинѣ. Человѣку, особенно простому, нужно что-либо опредѣленное, точка опоры. Простое вѣрующее сердце ищетъ таковой въ истинѣ свыше. А разъ Булашovy таковой не признаютъ и не даютъ, то народъ и осмѣиваетъ, хотя и не всегда, этихъ Булашовыхъ. Свои эксперименты вы сдѣлываете денежными субсидіями. За примѣрами не далеко ходить. Вспомните исторію пашковцевъ, штундистовъ, послѣдователей Толстого. Вотъ почему такъ часто народъ, свободу котораго вы отстаиваете, и стоитъ за васъ, за ваши убѣжденія. Онъ начинаетъ видѣть въ васъ благодѣтелей, которые даромъ могутъ давать рубли, тогда какъ крестьянинъ, дорожа каждой копѣйкой, за десятки верстъ идетъ работать, чтобы добыть эти копейки. Но почему вы не отдаете народу всего, всѣхъ своихъ ка-

питаловъ? потому, что вы видите, какъ ваши капиталы развиваются дармоѣдство, не встрѣчаютъ благодарности. Вамъ хотѣлось на каждомъ шагѣ блистать теоріями, создавать эффекты, а на дѣлѣ выходитъ, что надъ вами въ концѣ концовъ смѣются, васъ обманываютъ. Оказывается, что мужички наши не негры Америки, искавшіе когда то свободы.

И вотъ почему Костровинъ нелогично думаетъ, что „настанетъ моментъ,“ когда Булашовъ „выпуститъ въ свѣтъ своего рода „Хижину дяди Тома.“ Если такъ думаетъ и г. Боборыкинъ, то—да простятъ насъ его почитатели—въ предположеніи его одна игра словъ, но не какъ не блестящее остроуміе „опытнаго писателя.“

Стоя за свободу совѣсти, вы не признаете опредѣленныхъ символовъ вѣры. Но ратуя за права науки, вы сами мыслите ненаучно. Вы вносите въ религію субъективизмъ, т. е., по вашему мнѣнію религіозная мысль есть дѣло личнаго вкуса. Но вѣдь истина, повторяю, одна. Далѣе. На какомъ основаніи вы утверждаете свое положеніе? его нѣтъ. Кромѣ того, разсуждая по вашему, можно дойти до нелѣпости, до противорѣчія всякой жизненной логикѣ. Представьте, что я пессимистъ, крайній пессимистъ. Вездѣ нахожу одно зло. Мое убѣжденіе заставляетъ меня искоренять все злое. Такой то человекъ, по моему мнѣнію, зло. Я его долженъ уничтожить, какъ зло, искоренять которое зоветъ меня внутренній голосъ. Такое ученіе теперь и проповѣдуется. Ницше хочетъ, чтобы все слабое было задавлено сильнымъ, а ваши мученики оказываются разбойниками. Наконецъ, въ наукѣ вы добыли опредѣленные данныя. Вы признаете существованіе аксіомъ и фактовъ. Почему же въ религіи вы не хотите опредѣленности, точнаго символа, прочной мысли и настрое-

нія? Это нелогично и ненаучно.

Но вы не только объявляете церковь гонительницей, а себя благодѣтелями. Вы находите, что Церковь, живя такъ, какъ теперь живетъ, „лицемѣрить, заигрываетъ съ государствомъ.“ Вмѣстѣ съ Толстымъ вы полагаете, что такой порядокъ вещей начался давно, со времени императора Константина Великаго, сдѣлавшаго христіанство господствующей религіей въ греко-римской имперіи и тѣмъ уничтожившаго христіанство. Онъ будто бы съ тѣмъ и взялъ Церковь подъ свое покровительство, чтобы распоряжаться ею по своему произволу. Съ тѣхъ поръ и пошло заискиваніе церковниковъ предъ чиновниками. Оттуда и всѣ компромиссы, которые теперь разоблачаются сектантами и раскольниками. „Пришла и къ намъ, говорите вы византійщина и все заѣла.“ Но такъ ли? Вѣдь все это—софизмы. Вы дайте намъ факты изъ жизни нашей церкви. Правда, у васъ иногда есть аргументы. „Епископы и миссіонеры—насилъники,“ говорите вы. Но мы уже видѣли, сколько правды въ этомъ утвержденіи. Вмѣстѣ съ Грязевымъ вы утверждаете, что Церковь гонитъ науку, и проповѣдуетъ ея банкротство, и, конечно, по вашему, Церковь поступаетъ такъ потому, что хочетъ изъ-за хлѣба показать государству, насколько она дѣйствуетъ въ его пользу, поддерживая его строй. Но ради правды не смѣшивайте римскій католицизмъ съ нашей церковью. У насъ іезуитовъ нѣтъ, какъ нѣтъ и конгрегацій, заслуживающихъ изгнаній. Христіанство въ его чистомъ видѣ покровительствуетъ наукѣ, этому доброму свѣтильнику человѣческой жизни. Оно только вооружается противъ такой науки, которая нигдѣ не хочетъ видѣть Бога и отрицаетъ христіанскую истину; той паткой все отрицающей науки, которая ничего не

созидаеть, а только критикуеть и разрушаетъ и сама обнаруживаетъ свою несостоятельность.

Оказывается, что не Церковь, а вы лицемѣрите. И разъ вы стали на этотъ путь, идете и дальше, допуская на каждомъ шагу лицемѣріе.

У васъ нѣтъ недостатка въ слезахъ. Но присмотритесь къ нимъ, не заслуживаете-ли вы смѣха и сожалѣнія за то, что напрасно тратите время, портите свои нервы? Вамъ хочется, чтобы Церковь напоминала вамъ церковь первыхъ вѣковъ христіанства въ томъ предположеніи, что церковь нашего времени забыла завѣты Христа. Но вы говорите, не вникнувъ въ дѣло, въ характеръ современной жизни и дѣятельности представителей церкви. Да и сами вы какъ мало похожи на первыхъ христіанъ! У тѣхъ была какъ бы одна душа. Но теперь ея нѣтъ. Васъ заѣдаетъ интрига. Тамъ была любовь, теперь—злоба, возмутительная борьба за существованіе. Эти качества настолько сроднились съ вами, что вы только о себѣ думаете, только о себѣ заботитесь. Васъ заѣдаетъ эгоизмъ, соединенный съ самообольщеніемъ. Хорошо только все то, что у васъ дѣлается, и дурно все то, что дѣлають церковь и служители ея алтаря. Такъ ли? Объяснимся частнѣе.

„Духовенство, говорите вы, невѣжественно и грубо. Это—особая порода людей, которыхъ исторія заклеимила названіемъ бурсаковъ“. Но ваше утвержденіе—чистѣйшая ложь. Малообразованное духовенство существуетъ только на окраинахъ, гдѣ долго не было духовно-учебныхъ заведеній, существовавшихъ въ Европейской Россіи (теперь уже и окраины имѣють много священниковъ не только изъ семинаристовъ, а и изъ академистовъ). Вся же Россія до Урала теперь имѣеть духовенство, по своему образовательному цензу

не уступающее дѣтелямъ на другихъ поприщахъ. Духовенство, правда, не имѣетъ часто вашихъ утонченныхъ нервовъ. Но такіе нервы и не нужны намъ. Намъ нужны здоровые люди, здоровые дѣтели. Духовенство иногда плохо по паркетнымъ поламъ ходить? не знаетъ правилъ салоннаго обращенія? Но поймите, что здѣсь придирка, мало деликатная и еще менѣе къ дѣлу относящаяся. Скажу болѣе того. Не дай, Богъ, чтобы духовенство усвоило салонныя манеры. За этими манерами скрывается бездушіе и ложь, которыя выглядывали бы во всемъ своемъ отвратительномъ видѣ, если бы не замаскировывались манерами. Да вы и сами начинаете осуждать духовенство, разъ оно входитъ во вкусъ свѣтскихъ привычекъ. Человѣкъ, проповѣдующій вѣчную истину и христіанскую мораль, долженъ бѣжать отъ моды, которая часто скрываетъ за собой и развиваетъ пустоту мысли и сердца, какъ вы и сами въ нѣкоторыхъ случаяхъ признаете это.

Оглянитесь и на себя: гдѣ же ваша просвѣщенность, если вы бросаете камень осужденія въ духовенство—этотъ, по вашему, падшій классъ? Не заслуживаютъ ли падшіе любви и состраданія? Да, быть можетъ, они и не падшіе: рассмотрите безпристрастно.

(Окончаніе будетъ).

А. Платоновъ.

О ЦЕРКОВНОМЪ ЧТЕНІИ.

Великая важность церковнаго чтенія заключается въ томъ, что оно составляетъ значительную часть Богослуженія, которое есть выраженіе нашего духовнаго общенія съ Богомъ, частью молитвеннаго, частью священно-таинственнаго. Изъ сего открывается, что церковное чтеніе должно быть совершеннѣйшимъ и наилучшимъ, насколько Богъ выше и совершеннѣе всего и насколько отношенія наши къ Богу должны во всемъ быть запечатлѣны самыми высокими качествами и свойствами.

Если и къ земнымъ владыкамъ и царямъ люди благоразумные посылають для выраженія ихъ желаній, просьбъ и всякаго рода заявленій такихъ представителей, которые могутъ высказаться наилучшимъ образомъ, то тѣмъ болѣе наилучшимъ образомъ должны выражаться представители церковные, передающіе отъ лица множества людей ихъ мысли, чувства и положенія предъ Царемъ царей и Господомъ господей, предъ Богомъ и угодившими Ему—приближенными къ Нему—Богородицею и всѣми святыми.

Церковное чтеніе—это дѣло Божіе, а пророкъ Божій гласитъ: проклять всякъ, творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ. Небрежности противоположено тщаніе. Посему добрые чтецы должны быть тщаніемъ не лѣнны, Господеви работающе.

Но какъ исполнить этотъ великій и святой долгъ церковнымъ чтецамъ? Какіе можно указать о семъ руководственные взгляды и правила?

Это великое и святое дѣло должно быть совершеннѣйшимъ.

Но всякое совершенство имѣетъ свои степени или ступени, которымъ предшествуетъ много другихъ ступеней, ведущихъ къ совершенству. И само собою понятно, что есть разныя ступени чтенія плохого, небрежнаго, даже кощунственнаго, за которое ви-

новныя подлежать суду и наказанію весьма тяжкому, а также и изверженію изъ церковнаго причта.

Изъ множества возможныхъ степеней совершенства въ церковномъ чтеніи можно указать важнѣйшія три степени.

Первая степень хорошаго церковнаго чтенія состоитъ въ *правильности*, т. е. въ такомъ произношеніи словъ, какое требуется церковно-славянскою рѣчью, не допускающей тѣхъ видоизмѣненій, какія бывають при произношеніи русской рѣчи, гдѣ нерѣдко *е* переходитъ въ *е*, *а* въ *о* и наоборотъ, такъ что „его“ нельзя замѣнить „ово“, помилуй—памилуй. Непростительно также смѣшивать ниже (и не) съ ниже (русск. слов. не употребл. въ слав.) горѣ съ горе. Далѣе правильною требуется, чтобы такія славянскія слова, какъ напр. и (ихъ) не произносились за союзъ и. Понятно, что знаки препинанія тоже должны быть строго соблюдаемы, причеъ для запятой можетъ быть удѣляемо время въ одинъ тактъ, для двоеточія въ два такта, для точки въ три, а когда ею оканчивается особливое чтеніе (исаломъ), четыре и болѣе, такъ какъ при окончаніи, для означенія необходимости пѣть или сказывать эктенію, должно еще сдѣлать нѣкоторое удлинненіе послѣднихъ звуковъ чтенія, что придаетъ чтенію особенный характеръ, который и вездѣ долженъ быть нѣсколько *нѣвучимъ*, а вмѣстѣ съ тѣмъ и *неторопливымъ*.

Неспѣшность чтенія есть одно изъ первыхъ условій правильности чтенія. Неспѣшность требуется какъ механикою чтенія, такъ и способностію воспріятія произносимаго и многими другими обстоятельствами.

Всѣмъ извѣстно, сколь не скоро дается механизмъ правильного чтенія, ибо для этого требуется глазомъ воспріять каждую букву, сочетать ихъ въ слоги и слова; передать это сочетаніе въ сознаніе, которое должно сдѣлать распоряженіе въ область звуковыхъ органовъ, чтобы тѣ произнесли это слово чрезъ сложную механику гортаннаго и устнаго произношенія. И за однимъ словомъ должна сейчасъ же происходить работа надъ другимъ

словомъ, потомъ надъ третьимъ, сотымъ, тысячнымъ. Не меньшая работа, какъ слуховыхъ, такъ и другихъ органовъ воспріятія должна быть и у слушателей, молящихся Богу тѣми молитвенными чтеніями, которыя читаетъ церковный чтець.

Крайне неудобны никакія *ошибки* при всякомъ общемъ чтеніи, особенно при чтеніи написаннаго важными лицами, напр. Царями. Здѣсь всякое искаженіе словъ можетъ быть сочтено за непочтительность къ великимъ особамъ. Также дерзостнымъ является и чтець церковный, читающій неправильно, потому здѣсь искаженіе словъ можетъ быть хулою на Бога и святыхъ Его. Такъ напр., когда вмѣсто „во утріе избивахъ“ читаютъ „избавляхъ“, чѣмъ извращается все содержаніе псалма (на первомъ часѣ).

Чтобы избѣжать сихъ и подобныхъ ошибокъ нужно не только читать неторопливо, но и готовиться къ чтенію, или, по крайней мѣрѣ, просмотрѣть то, что предстоитъ читать, особенно въ новомъ мѣстѣ, по новымъ невиданнымъ книгамъ. Можетъ, наприм., случиться читать канонъ по книгѣ, отпечатанной при Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, или при другомъ комъ, гдѣ очевидно должна быть замѣна именемъ современнаго Государя. Бываетъ, когда этой замѣны и не должно быть, напр. въ день воспоминанія Полтавской битвы, когда Императоръ Петръ упоминается, какъ побѣдоносець. Можетъ случиться, что выпадетъ слѣдующій листъ, или оторвется уголь листка, или закапано будетъ необходимое слово. Черезъ предварительный просмотръ всѣ затрудненія, вытекающія изъ сихъ обстоятельствъ, могутъ быть устранены, а съ ними и ошибки.

Неспѣшность чтенія полезна и самому читающему, ибо черезъ это онъ своевременно имѣетъ необходимый отдыхъ, неизбѣжный при чтеніи длинномъ. И таковой чтець постепенно привыкаетъ къ чтенію отчетливому, раздѣльному и ясному. Напротивъ же, чтець, который читаетъ торопливо, постепенно крадетъ сначала многіе слоги, потомъ слова и даже рѣченія, такъ что у не-

го правильности чтенія уже не бываетъ никогда, ибо онъ не читаетъ, а какъ бы отбарабаниваетъ языкомъ своимъ что-то неопредѣленное, въ которомъ слышится какой-либо излюбленный звукъ, напр. е, е, е. или о, о, о, который онъ гудитъ и тогда, когда не разберетъ то или другое слово. Это такъ называемое, пономарское чтеніе, бессмысленное, о которомъ эти несчастные люди сами говорятъ: отзвонилъ и съ колокольни долой. Но быть мѣдью звѣнящею, вмѣсто человѣка, стыдно и грѣшно. Еще грѣшнѣе отзываться потомъ, что языкъ беретитъ и потому не можетъ прочесть даже „Отче нашъ“ или „Вѣрую“.

Первое предупрежденіе противъ перебитости языка—это чтеніе не наизусть, а по книгѣ, какъ бы по складамъ и пѣвучее.

Пѣвучимъ, а неразговорнымъ или речитативнымъ, церковное чтеніе должно быть потому, что этого требуетъ общій тонъ церковнаго богослуженія, имѣющаго много чтеній, поющихя скоро и протяжно. Общность тона (тональности) требуетъ и того, чтобы чтеніе было одинаково громко или тихо, сообразно съ числомъ молящихся и мѣстомъ чтенія, ибо понятно, что чтеніе для двухъ лицъ не можетъ быть такое же, какъ и для тысячи, гдѣ требуется наибольшее усиленіе голоса. Однако, никакимъ стеченіемъ народнымъ нельзя оправдать того выкрикиванія конечныхъ словъ апост. чтеній, которое практикуютъ нѣкоторые дерзкіе чтецы. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не замѣтить, что великимъ постомъ и особенно на похоронахъ долженъ поддерживаться иной тонъ, нежели за великопраздничными чтеніями.

Вообще же церковное чтеніе всегда должно быть въ границѣ среднихъ тоновъ, чтобы быть вполне членораздѣльнымъ, ясно слышимымъ даже старцами, изъ коихъ у многихъ начинается при-тупляться слухъ. А чтобы помочь этой немощи, должно читать съ мѣстъ срединныхъ и по возможности возвышенныхъ. Завѣдомо же глуховатыхъ нужно просить становиться поближе къ чтецу, а также и позаботиться о томъ, чтобы никто и ничѣмъ не нарушалъ достопадной тишины и порядочности вообще, необхо-

димыхъ всегда и въ особенности при чтеніи церковномъ.

Вторая степень лучшаго чтенія есть чтеніе *толковое*, когда чтець читаетъ, разумѣя, что читаетъ, и такъ осмысленно читаетъ, что даетъ возможность понимать читаемое и слышащимъ. Здѣсь особенное значеніе имѣетъ такъ называемое *логическое* удареніе на главной мысли или чувствѣ, изображаемомъ въ читаемомъ. При чтеніи толковомъ всякій отгѣнокъ мыслей и чувствъ выражается соотвѣтствующимъ тономъ голоса, но особенно своеобразный тонъ придается тѣмъ словамъ, въ которыхъ заключаются главныя мысли и чувства. Глубокая печаль, торжественная радость, величественное славословіе, все это должно находить въ голосѣ читающаго свое особое выраженіе.

Эта степень чтенія можетъ быть доступна людямъ болѣе или менѣе разумнымъ, получившимъ достаточное развитіе, когда человѣкъ бываетъ въ состояніи не только понимать мысли каждаго отдѣльнаго предложенія, но способенъ слѣдить за общимъ ходомъ ихъ, уразумѣвать ту (логическую) нить, которая внутренно связуетъ ихъ и даетъ имъ то или другое достоинство и значеніе молитвенное.

Теоретическая подготовка къ толковому церковному чтенію должна обнимать знакомство со всеми предметами, входящими въ составъ церковнаго чтенія, особенно же съ книгою Псалтирь, такъ какъ почти на каждой службѣ читается нѣсколько псалмовъ. Можно сказать даже, что вся Псалтирь каждымъ чтецомъ должна быть пройдена съ возможнымъ для его-возраста и пониманія толкованіемъ, начиная съ перевода словъ и оканчивая усвоеніемъ содержанія всего псалма. Такіе псалмы, какъ 50 и 33, должны быть изучены и наизусть, равно какъ и молитвы, постоянно употребляющіяся, какъ напр., „Иже на всякое время“... Незнаніе ихъ такъ же неизвинительно, какъ и незнаніе рѣдко встрѣчающихся и, такъ сказать, необычайныхъ словъ, напр., котва (якорь), іеродіево (аиста) жилище, ныреще (развалина), неясуть [пеликанъ] и т. под. Еще непростительнѣе многія славянскія рѣченія пони-

мать по-русски (напр. выну—всегда —въ смыслѣ глагола вынимать).

Третью степень болѣе совершеннаго чтенія составляетъ чтеніе *умилительное*, которое состоитъ въ томъ, что чтець читаетъ съ духовною настроенностію сердца и производитъ душе-спасительное дѣйствіе на слушателей. Умилительность, какъ показывается и самое это слово, есть пріятность. Поэтому читаемое должно быть мило, пріятно самому чтецу. Онъ долженъ, такъ сказать, самъ пережить и перечувствовать тѣ чувства, которыя должны быть внушаемы чтеніемъ, и, переживши ихъ, черезъ свое умилительное чтеніе передать ихъ слушателямъ.

Св. Церковь наша, стараясь приготовить чтецовъ къ достойному служенію ихъ, такъ увѣщаетъ каждаго изъ нихъ, чрезъ Епископа, при посвященіи въ стихарь: „Чадо, первая степень священства есть степень чтеца. Поэтому тебѣ слѣдуетъ ежедневно читать божественныя писанія, чтобы слушающіе, видя это, восприняли бы это къ созиданію ихъ спасенія и тебѣ самому дана была бы большая степень и никонмъ образомъ ты не постыжалъ бы жребія избранія твоего, и живи цѣломудренно, свято и праведно, ты сподобился бы наибольшаго служенія во Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ. Ему же слава во вѣки вѣковъ“.

Этотъ гласъ церковный призываетъ и всѣхъ васъ къ достойному служенію въ степени чтецовъ. И вамъ всѣмъ обѣщаются возможныя возмездія здѣсь, а еще большія тамъ, на небесахъ, ибо непреложно слово Господне: иже сотворить и научить, сей велій наречется въ Царствіи небесномъ*).

*) Изъ Екатеринбургскихъ Еп. Вѣд. 1902 г., № 17.

